

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

DOI 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26

УДК: 172.3.930.82-7

ВСЕГДА ЛИ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ», ИЛИ МИФЫ И РЕАЛИИ СИБИРСКОЙ «НОВОЙ АТЛАНТИДЫ»¹

Статья первая: мифы

Водичев Евгений Григорьевич,

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник Института нефтегазовой геологии

и геофизики СО РАН им. А.А. Трофимука,

Россия, 630090, Новосибирск, пр. Коптюга, 3;

профессор кафедры международных отношений

и регионоведения Новосибирского государственного

технического университета,

Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;

профессор кафедры современной отечественной истории

Национального исследовательского

Томского государственного университета,

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

ORCID: 0000-0001-8266-1723

VodichevEG@ipgg.sbras.ru

Аннотация

В цикле из двух статей дан сравнительный анализ повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», представленной как литературная утопия, и извлеченных из историографического массива мифологем о Новосибирском Академгородке, считающемся одним из прототипов литературного НИИЧАВО, несмотря на то что это никогда не подтверждалось авторами. Цель этой работы заключается в том, чтобы на конкретном материале показать социальный смысл, природу и содержание ряда популярных до настоящего времени мифов об истории Новосибирского Академгородка, которые позволяют интерпретировать образ «города науки» как социальную утопию, выявить параллели между имиджем науки и образом ученых в историографии и литературной утопии, а также уста-

¹ Автор выражает глубокую признательность Е.А. Жимулёвой за помощь в текстологическом анализе повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», а также С.П. Исакову за высказанные рекомендации при подготовке этой статьи.

новить, насколько мифологизированный образ Академгородка соотносится с историческими реалиями.

В первой статье показаны параллели между образом науки, ученых и «идеального города» в целом в литературной утопии и мифологизированными представлениями об Академгородке, вошедшими в тезаурус советских идеологов и ставшими инструментом советской пропаганды. В особенности это относится к интерпретации первого десятилетия в истории нового научного центра – до конца 1960-х годов. Мифологическая история Академгородка хорошо вписывалась в общую канву идеологизированной истории советской науки и истории Сибири, также построенных на ряде мифологем. Мифы об Академгородке лишь укрепляли традиционную историографию. Первый из таких мифов относится к концепции нового научного комплекса, второй – к реализации замысла. Третий миф касается мотивации переезда в Сибирь различных категорий ученых – как реальных и потенциальных научных лидеров, так и молодых исследователей. К числу мифологем следует отнести и сформировавшийся образ того, что, собственно, происходило в созданных научно-исследовательских институтах. Согласно утвердившейся в историографии и в общественном мнении трактовке, в НИИ Академгородка проводились принципиально новые работы, имевшие огромное значение как для фундаментальной науки, так и для народнохозяйственной практики. И, наконец, самый устойчивый миф касался представлений о локальном научном сообществе в Академгородке. Согласно утвердившимся мифологемам, в первые годы существования Городка здесь почти удалось построить «коммунизм в одном отдельно взятом городе». Высказаны предположения о природе мифологем и об исторических основаниях популярности мифов о «Республике Ученых» в Сибири.

Ключевые слова: литературная утопия, Стругацкие, социальная утопия, Академгородок, СО АН СССР/ СО РАН, мифологема, советские идеологема, история науки.

Библиографическое описание для цитирования:

Водичев Е.Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая. Мифы // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 9–26. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26.

Введение

Совсем недавно минуло 60 лет с того дня, который считается точкой отсчета в истории СО АН СССР/ СО РАН – крупнейшего территориального академического комплекса страны и Новосибирского Академгородка – пожалуй, самого известного российского наукограда, парадоксальным образом так и не получившего этот статус официально. Обитатели Академгородка встретили не совсем круглый юбилей не в самом хорошем настроении: наукоград знавал и лучшие времена. Как раз благодаря этому обстоятельству история Академгородка обросла многочисленными мифа-

ми и легендами. Вместе с другими околону научными мифологемами многое из того, что связано с Городком, трансформировалось в одну из советских утопий, которая отразилась в общественном сознании и повлияла на социокультурный бэкграунд эпохи, в особенности – времени хрущевской «оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) [14]². Одним из значимых проявлений и маркеров такого влияния стала настольная книга уже нескольких поколений российских (и не только) аспирантов и младших научных сотрудников – «Понедельник начинается в субботу» Аркадия и Бориса Стругацких [13], из которой, как справедливо замечено, можно узнать «всё или почти всё об организации советской (и российской) науки» [10]. Получив известность в качестве писателей-фантастов, оба её автора были не просто не чужды науке, а работали в научных учреждениях, прекрасно осознавая «родимые пятна» того, что социологами именуется «социальный институт науки», в котором воплощена вся система контроля и надзора за этим видом интеллектуальной деятельности. И совершенно не зря книга имеет подзаголовок «Повесть-сказка для научных работников младшего возраста». Некоторым из этих мифологем – как литературных, так и связанных с реальностью в их взаимопереплетении и взаимовлиянии – посвящена данная статья.

«Понедельник начинается в субботу» (далее ПнС) литературоведы традиционно относят к жанру юмористической фантастики. Однако это произведение можно рассматривать и как утопию, следуя ряду характерных признаков – в первую очередь отсутствию ограничений реального мира в мире выдуманном. Как отмечает американский исследователь Юджин Козловски, комментируя сплетение жанров в ПнС, «как волшебная сказка, так и научная фантастика вдохновляются человеческим оптимизмом и стремлением к идеальному, утопическому состоянию общества и счастью человека в нем» [15].

В тексте повествуется о Научно-исследовательском институте чародейства и волшебства (НИИЧАВО), расположенном в затерянном в северных лесах мифическом городе под названием Соловец. Место действия книги – некий заповедный волшебный анклав, который находится внутри обычного бытия буквально перед глазами, но понять его смысл и изнанку дано не каждому. Здесь мы видим еще один признак утопического жанра – достаточно часто в литературных утопиях главный герой не является продуктом идеального общества: он прибывает со стороны и именно через его взгляд читатель знакомится с окружающим миром.

² Пожалуй, впервые Академгородок был представлен в качестве социальной утопии в работе известного американского историка науки Пола Джозефсона. Впоследствии этот тезис поддержали публикации и некоторых российских специалистов (см. [3, 4]).

Тем не менее когда главный герой повествования – программист (знаковая по тем временам профессия) Александр Привалов попадает в НИИЧАВО, он очень быстро становится там своим, и мы отмечаем еще одно специфическое свойство утопии: герои строят будущее, объединяясь не по форме, а по духу. Собственно, и основная ветвь сюжета – строительство новой, прекрасной жизни (один из героев на вопрос «Чем занимается ваш институт?» отвечает: «Счастьем человеческим» и не кривит душой, поскольку это и есть специализация НИИЧАВО) – как нельзя лучше вписывается в понятие «утопия».

Почти все эти признаки в том или ином виде можно отнести и к мифологемам, связанным с реальным Академгородком. Напомним, что повесть была написана в 1965 г., что совпало во времени не только с периодом «оттепели», но и с расцветом научного центра вблизи Новосибирска, о котором советская пресса писала чуть ли не каждый день. Прямо или косвенно повесть вызывает многочисленные ассоциации с научными лабораториями Академгородка, с теми, кто там работает, и вообще со всем, что их окружает. Тем самым фиксируется имидж утопического городка науки и его научного сообщества в ассоциативном ряду возможных прототипов литературного произведения.

История Академгородка началось в 1957 г., и в 1965 г. уже в полную силу действовал ряд крупных институтов, в числе которых был и Институт ядерной физики, негласно считающийся прототипом НИИЧАВО. Уже в первое десятилетие Новосибирский Академгородок заслуженно приобрел репутацию одного из ведущих мировых научных комплексов. С формированием СО АН СССР в стране фактически сложилась новая конфигурация академической науки, где Новосибирск, перестав быть научной периферией, обрел контуры нового центра фундаментальных исследований.

Для того чтобы сделать советскую науку, а за ней – и весь мир лучше, в Академгородок ехали исследователи и энтузиасты со всех концов страны. Конечно же, это место, комплекс НИИ, которые возглавляли ученые с мировыми именами, способные, как легендарный директор НИИЧАВО А- (или У-) Янус Полуэктович Невструев, заглядывать в будущее (точнее, если говорить метафизически, жить там, в грядущих исследованиях, на благо государства, одновременно являясь и ученым мирового класса, и администратором), действительно казалось некой обетованной землей, где всё подчинено одной возвышенной цели. Этим оно привлекало и зрелых исследователей, и молодых ученых, и выпускников вузов со всей страны, и абитуриентов, намеренных поступить в недавно созданный, но уже знаменитый Новосибирский государственный университет. Именно так это рисуется в официальных анналах истории Академгородка.

Однако в реальной жизни всё было не совсем так, а в ряде случаев – и совсем иначе.

«Понедельник начинается в субботу» – представление об ученых, науке и научном городке в повести Стругацких

Для начала определим место действия. Судя по описанию братьев Стругацких, Соловец – это провинциальный городок, ничем на первый взгляд не отличающийся от своих соседей, и это описание обыденной стороны жизни Соловца, разумеется, не случайно. Это фон, подчеркнуто обыкновенный, на котором более выпукло выделяется всё торжество научного чародейства. Вместе с тем авторы постоянно вплетают в рутинную жизнь сказочные реминисценции, тем самым делая их вполне обычными явлениями. Здесь можно провести параллель с Академгородком: да, Академгородок стал частью Новосибирска, но лишь формально, административно, и до сих пор между Академгородком и Новосибирском существуют значительные ментальные и социокультурные разломы. К моменту создания научного комплекса сам по себе Новосибирск являлся среднестатистическим, ничем не выделяющимся промышленным и транспортным узлом, хоть и крупнейшим на востоке России, и лишь большая наука смогла выделить этот мегаполис в ряду других городов и стать его визитной карточкой.

В восприятии Соловца главным героем – программистом Приваловым (и, соответственно, читателем) есть любопытная закономерность. Сначала мы видим город и НИИЧАВО глазами случайного наблюдателя, затем – новичка, поступившего на работу в слаженный научный коллектив, и, наконец, уже укоренившегося, ставшего своим члена этой команды. Соответственно, в первой части ПнС впечатления Привалова достаточно обрывочны, неструктурированы и станут окончательно ясны только к концу книги, когда читатель вместе с главным героем полностью адаптируется к новой реальности. Во второй части произведения на нового сотрудника ложится задача новогоднего дежурства по институту. Так что, делая проверку лабораторий, он одновременно представляет их нам. Наконец, в третьей части мы видим уже полностью адаптировавшегося Привалова – и перед нами проходит вся внутренняя институтская жизнь. Желая того или нет (скорее, первое), братья Стругацкие в точности продемонстрировали путь в науку практически любого аспиранта: сначала эта сфера деятельности представляется ему совершенно загадочной, затем приходит чистый восторг, сменяющийся осознанием обыденности, повседневности труда и снижением пафоса предыдущей стадии.

Тем не менее братья Стругацкие устанавливают уровень научной деятельности на весьма высокой планке. Наука в представлении фантастов – это объяснение магии. Собственно, такое представление о науке совсем не

ново: на протяжении всей истории человечества именно наука объясняла природу явлений, которые казались людям предшествующих поколений чудесами и волшебством. Конечно же, такой подход нашел воплощение и в фантастике разных жанров, так что здесь Аркадий и Борис Стругацкие использовали достаточно очевидную дихотомию, сделав ее более выпуклой и связав науку с классическими элементами русских сказок, персонажами магического реализма и разнообразными, легко читаемыми «волшебными» аллюзиями.

Именно этот прием и производит вполне ожидаемый эффект: в сознании читателя наука обретает ореол тайны и волшебства – что немало важно, волшебства доброго. Практически все герои, несмотря на свои недостатки, в целом неплохие люди, способные трудиться во имя высокой цели. Более того, процесс труда приносит им не меньше удовольствия, чем заведомо недостижимый результат: счастье для человечества. Собственно, примерно так для обычного человека выглядят любые фундаментальные исследования: ученые ведут их для более глубокого познания окружающего мира, добавляя в конечный, заведомо недостижимый результат небольшие кирпичики своих знаний. И во многом подобным образом лет пятьдесят назад и воспринимался Академгородок в общественном сознании в реальном мире – как место, где обитают необычные люди, которые заняты не вполне понятным, но очень важным делом.

В ПнС нашло отражение любопытное явление своего времени: в борьбе «физиков» и «лириков» братья Стругацкие однозначно на стороне первых – обобщенная наука в их повести совершенно точно имеет много общего с науками точными и естественными. Практически вся научная терминология, которую авторы используют в коннотации магических поисков счастья, также относится к технократической стороне науки. Это, повторяем, неудивительно, учитывая время действия романа – когда казалось, что лишь точные и естественные направления способны продвигать науку в целом. Параллели с реальностью очевидны: время тех дискуссий давно прошло, но даже сейчас в Академгородке всего четыре малочисленных гуманитарных института, причем вышедших из одного, которого к моменту написания повести также еще не существовало как самостоятельного учреждения.

От точных и естественных наук, судя по описанию, наука в ПнС взяла не только терминологию и общую концепцию, но и самое главное – методы, вычисления, технологию постановки экспериментов. Несмотря на расплывчатость понятия «счастье для человечества», занимаются им вполне конкретно названные отделы. Иными словами, с помощью определенной методологии, свойственной ряду научных направлений, в НИИЧАВО решается целый комплекс проблем, лежащих в самых разных плоскостях.

Некий символизм прослеживается весьма наглядно – познание материальной стороны мира принесет человечеству духовное развитие, а за ним и счастье. Тем не менее надо отметить, что духовная (т. е. гуманитарная) сторона жизнедеятельности человека, в отличие от наук, ее представляющих, вовсе не задвинута авторами в дальний угол, поскольку именно с ней связана мотивация к познанию.

Мотивация к духовному росту определяет в ПнС и образ ученого. Увлеченность, любопытство, трудолюбие и трудоспособность, честность перед собой и наукой – вот те качества, которыми, по мнению авторов, должен обладать настоящий исследователь. Однако эти характеристики составляют лишь стержень истинного ученого. Описывая отдельных персонажей, авторы сознательно заземляют героев, предлагая читателям некие обобщенные образы или, скорее, типажи. Любой, кто работал в настоящем научном институте, сталкивался с каждым из них, достаточно вчитаться в их литературные портреты.

Отдельно хотелось бы остановиться на образе директора НИИЧАВО Януса Полуэктовича Невструева. Авторы представляют его единым в двух лицах: блестящим, крупным ученым и посредственным администратором. Подобное описание заставляет снова обратиться к реальности: это сочетание никогда не было редкостью в научных институтах и является отражением дилеммы о том, кто должен руководить научной организацией – крупный ученый или эффективный менеджер, и как должны сочетаться эти две ипостаси. При осмыслении этого образа сразу же всплывают в памяти дискуссии на страницах популярной некогда в интеллигентских кругах «Литературной газеты» советского времени. Прошли десятилетия, но любой исследователь скажет, что вопрос не закрыт, он до сих пор не имеет однозначного ответа, и не только в российской системе организации науки.

Несмотря на общую романтизацию и идеализацию науки, в некоторых моментах при характеристике института и отдельных ученых братья Стругацкие отдаляются от общей утопической тональности и уходят в плоскость если не сатиры, то весьма едкой иронии. Ю. Козловски в своем произведении подробно разбирает эти коды пародии и сатиры [15]. Самое любопытное, что у Стругацких они не гиперболизированы. Описание предельно узнаваемо, но в волшебном, сказочном антураже обычные бытовые ситуации выглядят намного более выпукло, чем в жизни. Собственно, это тот же прием, который авторы используют в начале повести и о котором мы уже говорили, но представленный наоборот. В итоге при ближайшем рассмотрении выясняется, что кажущийся идеальным НИИЧАВО имеет и свои многочисленные внутренние противоречия, как и всё, что существует в реальном мире.

В частности, в образе Выбегалло сконцентрированы типичные недостатки целого класса представителей научного сообщества. Такие, как он, отрицают правила и методы познания, верификацию научных результатов и в целом всё то, что социологи вслед за Р. Мертоном назвали бы принципами, составляющими этос научной деятельности. В конечном итоге это приводит к отрицанию целых отраслей знания, как в советской реальности это случилось с генетикой, кибернетикой, самой социологией и рядом других наук. Выбегалло, как и его прототипы в жизни, выполняет некие работы, относящиеся к науке как таковой лишь по формальным критериям. Причем, как подчеркивают авторы, научное сообщество не устраивают подобные «исследования», однако на страже интересов таких «специалистов» стоит система организации науки как таковая и околонаучная бюрократия. Впрочем, подобные недостатки лишь оттеняют представленный в произведении Стругацких позитивный образ «Новой Атлантиды» локального масштаба, призванной привести человечество к счастью, формирующий в сознании читателей и в общественном сознании в целом образы вполне реальных прототипов, в том числе и Академгородка.

Мифологемы Академгородка как воплощение утопического жанра

Не будем вдаваться в дискуссию о содержании этого понятия. Отметим лишь, что нам предстоит сконцентрироваться на наборе мифологем, который пронизывает традиционную историографию Академгородка как части и ядра научного комплекса СО АН СССР/ СО РАН. В особенности это относится к интерпретации первого десятилетия в истории нового научного центра – периода с конца 1950-х и до конца 1960-х гг.

Начало мифологической истории Академгородка уходит корнями в журналистские публикации о планах создания в Сибири «города науки», репортажи о героической стройке наукограда, в статьи и публичные выступления его отцов-основателей и первопроходцев Академгородка. Апологетическая концепция истории СО АН СССР/ СО РАН и Академгородка воплотилась и в мемуарах ряда его первопроходцев [5–9, 11]. Многие затем перекочевало в официальную историографию. Большинство тезисов об истории создания СО АН СССР вообще и Академгородка в частности, высказанных еще на рубеже 1950-х – 1960-х гг., на протяжении почти трех последующих десятилетий не ставилось под сомнение. Причины этого заключались не только в том, что над историками науки довели авторитеты. Мифологическая история Академгородка хорошо вписывалась в общую канву идеологизированной истории советской науки и истории Сибири, также построенных на ряде мифологем. Мифы об Академгород-

ке лишь укрепляли традиционную историографию, став одним из краеугольных камней в ее фундаменте³. Эти мифологемы, во-первых, позволяли обитателям Академгородка чувствовать себя продолжателями героического «Начала», последователями «отцов-пилигримов», а во-вторых, работали как система распознавания «свой-чужой», став основой своего рода «местечковой идентичности». В конечном итоге в историографии, как и в общественном мнении, сформировалась одна из многих советских утопий, удобная и для режима, да и для общества в целом, которому, как известно, всегда нужна палитра героических штампов.

Итак, каким же был набор таких мифологем? Как представляется, он затрагивал большинство важнейших аспектов истории наукограда. В этой, первой, статье цикла мы лишь представим описание таких мифов, позволяющих интерпретировать Академгородок как «Новую Атлантиду» и «Республику Ученых». Их критическая интерпретация будет дана ниже, в следующем разделе, посвященном реконструкции реалий научного центра с позиций историко-научного анализа.

Первый из таких мифов относится к самой концепции нового научного комплекса, механизмам ее генерирования и принятия решений относительно воплощения на практике. Долгое время бытовала уверенность в том, что идея формирования научного центра была связана лишь с именами трех отцов-основателей – академиков М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича и С.Л. Соболева, которым принадлежал абсолютный приоритет в разработке принципиально новых научно-организационных решений. Также не ставился под сомнение тот факт, что ими двигали высокие патристические чувства, понимание необходимости придания нового импульса развитию советской науки, которую надлежало направить на решение практических задач по подъему советской экономики, и в частности на ускоренное развитие огромного Сибирского региона. Концепция нового научного комплекса, воплотившаяся в знаменитой формуле «треугольника Лаврентьева»: наука–образование–производство, представлялась как уникальная и инновационная с точки зрения мировой научно-организационной мысли. Что касается принятия решения по поводу создания СО АН СССР вообще и Академгородка в частности, то подчеркивался лишь тот факт, что оно проходило быстро, а разумность концепта встретила полное понимание на уровне партийно-правительственного руководства, которое обеспечило для его реализации необходимое окно возможностей и центрацию колоссальных ресурсов.

³ История создания СО АН СССР/ СО РАН имеет обширную историографию (см. [2, 4]. Документальная канва формирования Отделения представлена в сборнике документов, вышедшем под нашей редакцией в 2007 г. [12]. Последней на текущий момент значительной работой по истории академической науки в Сибири является книга коллектива авторов, подготовленная к 50-летию юбилею Отделения [1].

Второй миф относился к реализации замысла. По утвердившему мнению, строительство городка науки осуществлялось хоть и не бесппроблемно, но возникавшие на его начальном этапе трудности быстро и эффективно решались, в особенности после создания в 1959 г. специальной строительной организации «Сибкадемстрой». Сам процесс строительства подавался как патриотическое начинание, как всенародная стройка, которая осуществлялась руками молодых людей, приехавших сюда со всех концов страны по комсомольским путевкам. Как подчеркивалось, многие из них совмещали работу с учебой во вновь созданном Новосибирском университете и впоследствии пополняли ряды ученых в институтах Академгородка. «Трудовой героизм», «единый порыв», «комсомольская стройка» – такими и похожими словами описывалось всё то, что происходило на стройплощадках будущего научного центра. Впрочем, в этом смысле официальная историография строительства Академгородка, базирующаяся на стандартном наборе штампов и идеологием того времени, мало чем отличалась от историографии других «великих строек коммунизма».

Третий миф касается мотивации переезда в Сибирь на постоянное жительство различных категорий ученых – как реальных и потенциальных научных лидеров, так и молодых исследователей. Долгое время считалось, что основным побудительным мотивом отъезда из Москвы и Ленинграда, а также других крупных городов европейской части СССР для «научных мигрантов» было их желание заниматься любимым делом – наукой, располагая при этом свободой научного творчества, немислимой для традиционных институтов и научных центров. При описании мотивации инициаторов формирования нового научного комплекса эти постулаты дополнялись характеристикой их научно-организационного гения. Что касается новой генерации исследователей, то согласно утвердившимся постулатам их привели в Сибирь романтизм молодости и патриотические чувства.

К числу мифологем следует отнести и сформировавшийся образ того, что, собственно, происходило в созданных научно-исследовательских институтах. Согласно утвердившейся в историографии и в более широком общественном мнении трактовке, в НИИ Академгородка проводились принципиально новые работы, имевшие огромное значение как для фундаментальной науки, так и для народно-хозяйственной практики. В скором времени они должны были привести к принципиальным прорывам в различных областях знания, что позволило бы решить научные задачи общецивилизационного характера в интересах всего человечества. Главными героями времени несомненно были физики, в особенности те, кто занимался проблемами физики плазмы и в целом физикой высоких энергий. Образ физиков как гениев современности, с одной стороны, и людей героической профессии – с другой, культивировался в обществе и актив-

но продвигался в литературе, искусстве, средствах массовой информации. Достаточно вспомнить вышедший в 1962 г. на экраны страны и получивший большую популярность фильм М. Ромма «Девять дней одного года», также вызывающий многочисленные реминисценции в отношении Академгородка. Но не забывали и представителей других ученых профессий. Наряду с этим подчеркивалось, что коллективы ученых работают над такими проблемами, которые уже в ближайшем будущем повлияют на «структуры повседневности» (например, проблема управляемого термоядерного синтеза как основа всей будущей энергетики).

И, наконец, самый устойчивый миф касался представлений о локальном научном сообществе в Академгородке. Согласно утвердившимся мифологемам, в первые годы существования Городка здесь почти удалось построить «коммунизм в одном отдельно взятом городе». Или же это был тот самый «социализм с человеческим лицом», который стал либеральной мечтой и путеводной звездой советских шестидесятников и их коллег и товарищей по духу в «странах народной демократии». Как отмечают некоторые комментаторы, все обитатели Городка жили в атмосфере «взаимной любви и отсутствия зависти», по принципу «свободы, равенства и справедливости». Научное сообщество Академгородка представлялось как мир тесно спаянных общей идеей и увлеченных наукой людей. Работа в науке была главным содержанием и смыслом их жизни [9, с. 384–404]. В редкие моменты отвлечения от научных исследований жители Академгородка занимались своим интеллектуальным и физическим развитием, тем более что для этого были созданы прекрасные возможности. Научные сотрудники были не чужды определенного социального фрондерства, поскольку сама их деятельность, предусматривавшая рефлексивность, а также общая атмосфера в Академгородке предполагала возможность размышлений о жизни и о себе. Но это фрондерство в целом, как считалось, не носило протестного характера и было направлено на борьбу «с отдельными недостатками», хотя и в более ангажированном виде, чем в других городах и весях провинциальной России.

Складывалось впечатление, что Академгородок живет по своим законам, что это сообщество ученых в целом бесконфликтно (научные дискуссии конфликтами не являются), а сложившиеся отношения между отдельными когортами городковских жителей почти идеальны. Это был мир, которым управляли мудрые лидеры, представлявшие само научное сообщество. Между ними также существовало взаимопонимание, сохранялись самые добрые отношения и отсутствовали разногласия, а тем более конфликты. Каждый имел возможности для саморазвития и карьерного роста при условии упорного труда и соблюдения корпоративных ценностей. Решения, которые принимались руководством Академгородка, не ставились

под сомнения другими представителями научного сообщества. Как почти идеальные в первое десятилетие истории СО АН СССР интерпретировались отношения и с внешним миром, который принимал сложившиеся правила игры.

В результате сочетания различных мифологем утвердилась устойчивая легенда об Академгородке как о «Республике Ученых», или, по словам Пола Джозефсона [14], вернувшейся к нам «Новой Атлантиде» (правда, Пол вложил в это название немалую долю иронии) – лучшим месте для людей интеллектуального труда если не на Земле, то в Советском Союзе уж точно. Были заложены основы нового советского «бренда», не менее значимого, чем другие символы страны того времени, символы «оттепели», демократизации и либерализма. В большинстве случаев либеральные символы того времени имели главным образом интеллектуальную и социокультурную природу – московский Фестиваль молодежи и студентов, театр «Современник», журнал «Новый мир» и т. п. Академгородок прочно вошел в их число. Многие другие символы, связанные с наукой, вряд ли можно было отнести к числу либеральных – космос, спутник, бомба... Они скорее символизировали достижения прежней, отнюдь не либеральной эпохи, но эта их природа в общественном мнении шестидесятых затушевывалась и оставалась как-бы «за кадром».

В историографии и в общественном мнении возникла утопия, которой была уготована достаточно долгая жизнь. На заре практической реализации позитивной идеи создания сибирской «Новой Атлантиды», на этапе бурного роста Академгородка многие его обитатели, не замечая этого, сами становились деминургами мифологем. Всё, что в реальной жизни не вписывалось в мифы, сразу же относилось к числу «временных недостатков» и «издержек развития», которые несомненно будут преодолены чуть позже. Этому самым активным образом способствовала агрессивная пропаганда. Но... проходили годы, Академгородок рос и взрослел, появлялось всё больше и больше трудных, нерешенных и нерешаемых проблем. Внимание к нему со стороны пропагандистской машины постепенно начало ослабевать. Она искала и не находила в Городке ничего, равного по масштабам Спутнику или Бомбе, что стимулировало бы новый виток мифотворчества. «Мирный термояд» становился всё более и более далекой перспективой, а рутинный научный поиск с его такими же повседневными результатами оставался и для пропаганды, и для широкой публики чем-то непонятным и не слишком привлекательным.

Постепенно менялся и внешний контекст. Страна эволюционировала от относительно либеральной хрущевской «оттепели» к неоконсервативному брежневскому режиму, где не оставалось места либеральным символам уходящей эпохи. К концу первого десятилетия Городка это всё сильнее

ощущалось его обитателями. Мифы переставали работать так же эффективно, как раньше, хотя, конечно, сохраняли своих сторонников и творцов. Однако плохо работающие мифы сами становились причиной социальной апатии и вызывали у многих нарастающее раздражение. Одновременно нарастало стремление к рефлексии и осознанию реалий не только настоящего, но и ушедших времен.

Хотелось бы сделать несколько замечаний о социальной роли мифологем, вытекающих, как нам кажется, из представленного анализа. Как известно, мифы крайне важны для любого тоталитарного или авторитарного режима, поскольку они цементируют общество и позволяют направлять общественные усилия на достижение поставленных государством целей. Но не менее чем для политиков и политиканов они важны и для самого общества, которому тоже нужны идеалы. Однако идеалы способны подменять собой цель, и это, как правило, приводит к печальным последствиям. Мифы потому и мифы, что они никогда не совпадают с реальностью.

Значимость мифологем определяется и тем, что они становятся основой формирования идентичности. Большинство моделей социальной идентичности базируется именно на мифах, которые зачастую весьма далеки от реальности, и это может быть крайне опасно. Мифы формируют ложную реальность, создают иллюзорный мир, который обладает способностью эффективно замещать мир реальный. В итоге и индивиды, и локальные сообщества, а зачастую и сами власть имущие не фиксируют реальные проблемы и не придают им должного внимания. Более того, формируется крайне негативное отношение к тем, кто призывает снять «розовые очки», поскольку это разрушает столь удобный и приятный для большинства мир иллюзий. Однако это лишь переводит проблемы в стадию кризиса и многократно усугубляет ситуацию.

С другой стороны, мифы провоцируют желания отыскать решения в ретроспективе, поскольку иллюзорный мир часто обращен в будущее через героизируемое «славное прошлое», которое становится героическим независимо от того, как происходили события на самом деле. Так создается психологическая ловушка и для отдельных людей, и для локальных сообществ, идентичность которых построена на мифах, и для общества в целом. Постоянное обращение к мифологизированному прошлому приводит к выдвиганию некорректных целей развития. К тому же решать современные проблемы предлагается на основе инструментов и приемов, извлеченных из мифологизированного прошлого. Будут ли они работать, да и работали ли вообще – это большой вопрос, поскольку сам по себе такой инструментальный арсенал также является частью мифов. Мифы формируются во вполне определенном социокультурном контексте и начинают увядать, когда этот контекст разрушается. И тогда на авансцену выходят реалии.

Литература

1. Российская академия наук, Сибирское отделение: исторический очерк: 1957–2007 / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин, Л.Б. Ус, М.Ю. Черевикина; отв. ред. Н.Л. Добрецов, А.А. Ламин. – Новосибирск: Наука, 2007. – 510 с.
2. Водичев Е.Г., Узбекова Ю.П. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. – Новосибирск: Сова, 2004. – С. 117–169.
3. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок как социальная утопия позднего социализма // Коммуникативная культура современности: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. – С. 17–19.
4. Кузнецов И.С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 1. – С. 130–140.
5. Лаврентьев М.А. Наука. Технический прогресс. Кадры: сборник статей и выступлений, 1957–1979 гг. / ред. Г.И. Марчук; сост. Н.А. Притвиц. – Новосибирск: Наука, 1980. – 88 с.
6. Лаврентьев М.А. Опыты жизни. 50 лет в науке // ЭКО. – 1979. – № 7–12; 1980. – № 1–6.
7. Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирью / лит. запись Н.А. Притвиц. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 175 с.
8. Марчук О.Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые 20 лет: монография. – 2-е изд. – Новосибирск: Гео, 2007. – 233 с.
9. Матрос Л.А. Презумпция виновности: социологический роман. – New York: Liberty publishing house, 2000. – 608 с.
10. Пустолякова Е. Фантастическая наука [Электронный ресурс] // Наука в Сибири. – 2016. – 3 ноября. – URL: <http://www.sbras.info/articles/editors/fantasticheskaya-nauka> (дата обращения: 19.10.2017).
11. Российская академия наук. Сибирское отделение: стратегия лидеров / сост.: В.Д. Ермиков, Н.А. Притвиц, О.В. Подойницына. – Новосибирск: Наука, 2007. – 544 с.
12. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сборник документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. – Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2007. – 376 с.
13. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. – М.: Детская литература, 1965. – 224 с.
14. Josephson P.R. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 351 p.
15. Козловски Ю.Б. Коды комического в сказках Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке» [Электронный ресурс] / пер. А. Кузнецовой. – URL: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2120.shtml (дата обращения: 19.10.2017).

Статья продолжает ранее затронутые в журнале темы. О «подлинной» истории Новосибирского Академгородка рекомендуем читателям следующие статьи:

Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Ст. 1 // Идеи и идеалы. – 2016. – № 3, т. 1. – С. 136–156. – doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2016-3.1-136-156>.

Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Ст. 2 // Идеи и идеалы. – 2016. – № 4, т. 1. – С. 109–134. – doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2016-4.1-109-134>.

Кузнецов И.С. Комментарий к статье И.В. Жежко-Браун «НГУ: студенческое движение 1960-х» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1, т. 1. – С. 180–184. – doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2017-1.1-180-184>.

О соотношении исторических мифов как элементов исторической памяти и истории как науки рекомендуем читателям статьи:

Палат М.К. История и память // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4, т. 1. – С. 56–69.

Палат М.К. История и память. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1, т. 1. – С. 72–81.

Плоткин В.Я. Национальная мифология как «память народа» // Идеи и идеалы. – 2011. – № 1, т. 1. – С. 111–121.

Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4, т. 1. – С. 70–77.

Антипов Г.А. От памяти к истории // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4, т. 1. – С. 31–48.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017 г.

Статья прошла рецензирование 14.10.2017 г.

DOI 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26

DOES “MONDAY ALWAYS BEGIN ON SATURDAY”? OR MYTHS AND REALITIES OF THE SIBERIAN “NEW ATLANTIS”

Vodichev Evgeny,

Dr. of Sc. (History),

*Chief Research Fellow, Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS,
3 Koptug ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.*

*Professor of Department of International Relations
and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University,*

20, Marx ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation;

Professor of the Modern History Department,

National Research Tomsk State University,

36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8266-1723

VodichevEG@ipgg.sbras.ru

Abstract

The paper (the first one in the series of two) deals with comparative analysis of the most famous novel of the charismatic Soviet and Russian writers, the Strugatsky brothers, and mythological history of Akademgorodok, a science city near Novosibirsk in Siberia. According to the author's views, the Strugatsky's novel is one of the most interesting literary utopias of the second half of the 20th century, and Akademgorodok is one of its prototypes. The research aims at identifying social sense, nature and content of a number of myths about history of Akademgorodok, which are still popular and widespread both in social milieu and in professional literature. These myths and legends based on memoirs, recollections, journalists' publications and propaganda, which fed up official historiography of Akademgorodok, allow presenting it as one of the most interesting social utopias of the Soviet period of Russian history.

In the first article, the author shows and analyses correlations and cross-fertilization between the literary utopia and the mythology of Akademgorodok, which became effective tools of the Soviet propaganda. He articulates historical background of this mythology and explains the nature of their popularity.

Keywords: literary utopia, the Strugatsky brothers, social utopia, Akademgorodok, SB RAS, mythology, Soviet ideology, history of science

Bibliographic description for citation:

Vodichev E.G. Does “Monday always begin on Saturday”? Or myths and realities of the Siberian “New Atlantis”. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 9–26. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26. (In Russian).

References

1. Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A., Lamin V.A., Us L.B., Cherevikina M.Yu. *Rossiiskaya akademiya nauk, Sibirskoe otdelenie: istoricheskii ocherk: 1957–2007* [Russian academy of sciences. Siberian branch. Historical review]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 510 p.
2. Vodichev E.G., Uzbekova Yu.I. Razvitie akademicheskoi nauki v Sibiri: istoriograficheskii ocherk [Development of the academic science in Siberia: review of the historiography]. *Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya* [Soviet regional cultural politics: the problems of study]. Novosibirsk, Sova Publ., 2004, pp. 117–169.
3. Kuznetsov I.S. [Novosibirsk Akademgorodok as social utopia of the late socialism]. *Kommunikativnaya kul'tura sovremennosti: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Communication culture of the nowadays: Proceedings of the 6th International science and practices conference]. Novosibirsk, NSU Publ., 2016, pp. 17–19. (In Russian).
4. Kuznetsov I.S. Sovremennaya istoriografiya Novosibirskogo Akademgorodka [Modern historiography of Novosibirsk Akademgorodok]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, iss. 1, pp. 130–140.
5. Lavrent'ev M.A. *Nauka. Tekhnicheskii progress. Kadry: sbornik statei i vystuplenii, 1957–1979 gg.* [Science. Technological progress. Personnel: a collection of articles and speeches, 1957–1979]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 88 p.
6. Lavrent'ev M.A. Opyty zhizni. 50 let v nauke [The experiences of life. 50 years in science]. *EKO – ECO*, 1979, no. 7–12, 1980, no. 1–6.
7. Lavrent'ev M.A. ...*Prirastat' budet Sibir'yu* [...Will grow with Siberia]. 2nd ed. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1982. 175 p.
8. Marchuk O.N. *Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye 20 let* [Siberian phenomenon. Akademgorodok in the first 20 years]. 2nd ed. Novosibirsk, Geo Publ., 2007. 233 p.
9. Matros L.A. *Prezumpsiya vinovnosti* [The presumption of guilt]. New York, Liberty publishing house, 2000. 608 p.
10. Pustolyakova E. Fantasticheskaya nauka [Fantastic science]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 2016, 3 November. Available at: <http://www.sbras.info/articles/editors/fantasticheskaya-nauka> (accessed 19.10.2017).
11. Ermikov V.D., Pritvits N.A., Podoinitsyna O.V., comp. *Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: strategiya liderov* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Strategy of the leaders]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 544 p.
12. Vodichev E.G., ed. *Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk: sozhdanie (1957–1961 gody): sbornik dokumentov* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Creation. 1957–1961]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 376 p.
13. Strugatsky A., Strugatsky B. *Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu* [Monday begins on Saturday]. Moscow, Detskaya literature Publ., 1965. 224 p.
14. Josephson P.R. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, Princeton University Press, 1997. 351 p.

15. Kozłowski E.Z. *Comic codes In the Strugatskys' Tales "Monday begins on Saturday" and "Tale of the Troika"*. Moscow, 1994. (In Russian). Available at: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2120.shtml (accessed 19.06.2017).

The article continues the topics discussed earlier in the Journal. About the «true» history of the Novosibirsk Academgorodok, we recommend this article:

Zhezhko-Braun I.V. NGU: to the history of the student movement in 1960s. Part 1. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2016, no. 3, vol. 1, pp. 136–156. doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2016-3.1-136-156>. (In Russian).

Zhezhko-Braun I.V. NGU: to the history of the student's movement in 1960s. Part 2. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2016, no. 4, vol. 1, pp. 109–134. doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2016-4.1-109-134>. (In Russian).

Kuznetsov I.S. Comment on the article by I.V. Zhezhko-Braun «NSU: the student movement of the 1960s». *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2017, no. 1, vol. 1, pp. 180–184. doi: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2017-1.1-180-184>. (In Russian).

The correlation between Historical Myths as elements of peoples Memory and History as a science is recommended this article:

Palat M.K. History and memory. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2011, no. 4, vol. 1, pp. 56–69. (In Russian).

Palat M.K. History and memory. Pt. 2. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2012, no. 1, vol. 1, pp. 72–81. (In Russian).

Syrov V.N. In what specificity of a myth consists? *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2011, no. 4, vol. 1, pp. 70–77. (In Russian).

Plotkin V.Ya. National mythology as a «people's memory». *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2011, no. 1, vol. 1, pp. 111–121. (In Russian).

Antipov G.A. From memory to history. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2012, no. 1, vol. 1, pp. 31–48. (In Russian).

The article was received on July 5, 2017.

The article was reviewed on October 14, 2017.